

Октябрь в Москве

В Москву мы прибыли во второй половине дня 9 октября. Нас исключительно сердечно и торжественно встретили Молотов и многие высокопоставленные русские деятели. На этот раз нас поместили в самой Москве со всеми удобствами. В моем распоряжении находился небольшой, прекрасно обставленный дом, в распоряжении Антони — другой дом поблизости. Мы были рады возможности пообедать вдвоем и отдохнуть. В 10 часов вечера состоялась наша первая важная встреча в Кремле. На ней присутствовали только Сталин, Молотов, Иден, Гарриман и я, а также майор Бирс и Павлов в качестве переводчиков. Было решено тотчас же пригласить в Москву польского премьер-министра, министра иностранных дел Ромера и седобородого, престарелого академика Грабского — обаятельного и очень способного человека. Поэтому я телеграфировал Миколайчику, что мы ожидаем его и его друзей для переговоров с советским правительством и нами, а также с люблинским польским комитетом. Я дал ясно понять, что отказ приехать и принять участие в этих переговорах был бы равносителен прямому отклонению нашего совета и освободил бы нас от дальнейшей ответственности по отношению к лондонскому польскому правительству.

Создалась деловая атмосфера, и я заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 % в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 % в Греции и пополам — в Югославии?» Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал:

Румыния	
Россия	90%
Другие	10%
Греция	
Великобритания (в согласии с США)	90%
Россия	10%
Югославия	50 : 50%
Венгрия	50 : 50%
Болгария	
Россия	75%
Другие	25%

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать.

Конечно, мы долго и тщательно обсуждали наш вопрос и, кроме того, касались лишь непосредственных мероприятий военного времени. Обе стороны откладывали все более крупные вопросы до мирной конференции, которая, как мы тогда надеялись, состоится после того, как будет выиграна война.

Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец, я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». «Нет, оставьте ее себе», — сказал Сталин.

Я поднял также вопрос о Германии, и было решено, что наши два министра иностранных дел вместе с Гарриманом займутся им. Я сообщил Сталину, что американцы в ходе наших дальнейших переговоров изложат ему в основных чертах свой план операций на Тихом океане на 1945 год.

Затем мы отправили совместное послание Рузвельту по поводу нашей первой беседы.

Премьер-министр и маршал Сталин — президенту Рузвельту

10 октября 1944 года

В неофициальной беседе мы в предварительном порядке рассмотрели ситуацию в той степени, в которой она касается нас, и составили программу наших встреч, как протокольных, так и других. Мы пригласили гг. Миколайчика, Ромера и Грабского немедленно прибыть для дальнейших переговоров с нами и с Польским национальным комитетом. Мы договорились не касаться в наших беседах вопросов Думбартон-Окса, так как они будут обсуждаться, когда мы втроем сможем встретиться вместе. Мы должны рассмотреть вопрос о том, как лучше всего согласовать политику в отношении балканских стран, включая Венгрию и Турцию. Мы договорились о том, что г-н Гарриман будет присутствовать как наблюдатель на всех встречах, когда речь будет идти о важных делах, и о том, чтобы генерал Дин присутствовал, когда будут обсуждаться военные вопросы. Мы договорились о техническом контакте между нашими высшими офицерами и генералом Дином по военным аспектам на любых встречах, которые могут быть необходимы позже в нашем присутствии, и о встречах двух министров иностранных дел вместе с г-ном Гарриманом. Мы будем держать Вас полностью в курсе дела сами о том, как идут наши дела.

Мы пользуемся этим случаем, чтобы послать Вам наши самые сердечные добрые пожелания и выразить наши поздравления по поводу доблести вооруженных сил Соединенных Штатов и по поводу руководства генералом Эйзенхауэром войной на Западе.

В личном послании я сообщил президенту:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

11 октября 1944 года

1. Мы застали здесь атмосферу необычайного доброжелательства и направили Вам совместное послание. Вы можете быть уверены в том, что мы решим все так, чтобы никоим образом не связывать Вас. Мне кажется, что договоренность об участии Аверелла в наших беседах удовлетворяет его и не мешает установлению личного контакта, который нам необходим, чтобы добиться какого-либо успеха. О всех контактах такого рода я буду Вас подробно информировать.

2. Нам совершенно необходимо попытаться выработать общую точку зрения относительно Балкан, с тем чтобы мы предотвратили гражданскую войну в некоторых странах, в которой Вы и я, вероятно, сочувствовали бы одной стороне, а Д. Дж. — другой. Я буду информировать Вас обо всем этом, и мы не будем решать никаких вопросов, за исключением предварительных соглашений между Англией и Россией,

подлежащих дальнейшему обсуждению и окончательному решению совместно с Вами. Я уверен, что на этой основе Вы не будете возражать против наших попыток добиться полного взаимопонимания с русскими.

3. Вы еще не сообщили мне, о какой части тихоокеанских операций мы можем рассказать Сталину и его офицерам. Я хотел бы знать об этом, ибо в разговоре с ним я могу сказать больше того, что Вы хотели бы. А пока я буду очень осторожен. Мы не затрагивали вопросов, связанных с Думбартон-Оксом, а лишь отметили, что по Вашему желанию эти вопросы исключаются. Однако сегодня за завтраком Сталин с похвалой отозвался об этой конференции и о том, что на ней было достигнуто весьма значительное согласие.

В своей речи на том же завтраке Сталин резко критиковал Японию как агрессора. После наших разговоров с ним я почти не сомневаюсь в том, что он объявит войну японцам, как только Германия будет побеждена. Однако, безусловно, Аверелл и Дин должны иметь возможность не только просить его сделать что-то, но и сказать ему, хотя бы в общих чертах, о том, что намерены предпринять Вы сами и в чем мы собираемся помочь Вам.

Вечером 11 октября Сталин прибыл на обед в английское посольство. Английскому послу впервые удалось этого добиться. Полиция приняла все необходимые меры предосторожности. Один из моих гостей, Вышинский, проходя мимо вооруженной охраны НКВД, стоявшей на лестнице, заметил: «Видимо, Красная Армия одержала новую победу. Она заняла английское посольство».

До поздней ночи мы вели переговоры на всевозможные темы в неофициальной атмосфере. Помимо прочего, мы обсуждали вопрос о будущих всеобщих выборах в Англии. Сталин заявил, что он не сомневается в их исходе: победят консерваторы. Политическую жизнь других стран понять еще труднее, чем политическую жизнь собственной страны.

Я телеграфировал также Гопкинсу по поводу различных вопросов:

Премьер-министр — Гарри Гопкинсу

12 октября 1944 года

1. Обстановка здесь чрезвычайно дружественная, однако на Балканах, к сожалению, дела ужасно запутаны. Тито, живший под нашей защитой в течение трех-четырёх месяцев в Висе, внезапно скрылся, не указав адреса, но оставив караул у своей пещеры, чтобы создать впечатление, будто он все еще находится там. Он направился в Москву для переговоров, и вчера г-н Молотов признался в этом г-ну Идену. Русские приписывают такое некрасивое поведение Тито его подозрительности, являющейся результатом его крестьянского воспитания; они сказали, что не сообщили нам об этом, идя навстречу его стрем-

лению к секретности. Болгары плохо обращаются с нашими людьми и арестовали несколько наших офицеров, еще оставшихся в Греции и Югославии. Я получил сообщение о том, что они очень жестоко обошлись с американскими офицерами, находившимися у них в плену. Русские заявляют, что они, конечно, намерены предъявить Болгарии обвинение в ее многочисленных проступках, но лишь в духе любящих родителей — мол, «мне это гораздо больше, чем вам». Они проявляют большой интерес к Венгрии, которая, как они ошибочно указали, является их соседом. Они претендуют на полную ответственность в Румынии, но готовы в значительной мере отказаться от проявления интереса в Греции. Все эти вопросы обсуждаются 2-м Иденом и Молотовым.

2. Посредством серьезных угроз нам удалось убедить Миколайчика и поляков принять приглашение, которого мы добились от русских. Надемся, что они будут здесь завтра.

3. Мы часто видимся с Авереллом, а завтра вечером он дает обед в стиле тегеранского — на нем будут присутствовать только избранные лица. Он присутствует на переговорах по военным вопросам и по вопросам о будущем Германии и, конечно, будет присутствовать при обсуждении польского вопроса, когда оно начнется. Нам нужно решить сейчас так много балканских проблем, что мы, пожалуй, уделим этому вопросу больше внимания во время переговоров вдвоем, чтобы иметь возможность говорить откровеннее, чем на совещании в более широком составе. В ближайшие дни я пошлю президенту телеграмму, в которой всесторонне информирую его об этом. Не будете ли вы добры показать ему эту телеграмму? Буду очень рад получить от него весточку.

Президент прислал нам ободряющее послание:

*Президент Рузвельт — премьер-министру и маршалу Сталину
12 октября 1944 года*

Благодарю за Ваше совместное послание от 10 октября.

Я был очень рад узнать, что Вы оба договариваетесь об общей точке зрения в отношении международных политических дел, в которых мы все заинтересованы ввиду наших нынешних и будущих общих усилий, направленных к предотвращению международных войн.

После нашей первой встречи я размышлял над нашими отношениями с Россией во всей Восточной Европе и, для того чтобы разъяснить свои мысли, набросал письмо Сталину по этому поводу, приложив к нему меморандум, в котором пояснил, как мы трактуем те проценты, которые были приняты нами за столом. В конечном счете я так и не послал этого письма, сочтя более благоразумным не затрагивать этого вопроса. Я помещаю его лишь как достоверный отчет о моих мыслях.

Москва, 11 октября 1944 года

Я считаю чрезвычайно важным, чтобы Англия и Россия имели общую политику на Балканах, которая была бы приемлемой также и для Соединенных Штатов. В свете того факта, что Англия и Россия имеют 20-летний союз, особенно важно, чтобы мы находились в общем согласии и могли без труда работать совместно в течение длительного времени, доверяя друг другу. Я понимаю, что все то, что мы делаем здесь, может служить лишь предварительной подготовкой к тем окончательным решениям, которые мы примем, когда соберемся все втроем за столом победы. Тем не менее я надеюсь, что мы сможем достичь взаимопонимания, а в некоторых случаях и соглашений, которые помогут нам выйти из нынешних критических ситуаций и послужат прочной основой длительного всеобщего мира.

Проценты, которые я набросал, представляют собой всего лишь средство, с помощью которого, по нашему мнению, мы сможем определить, насколько близки наши мысли, а затем решить, какие нужно предпринять шаги, чтобы обеспечить полное согласие между нами. Как я уже указывал, они могли бы показаться грубыми и даже бессердечными, если бы были представлены на рассмотрение министерств иностранных дел и дипломатов во всем мире. Поэтому они не могут быть положены в основу какого-либо подлежащего опубликованию документа, и, уж конечно, не сейчас. Тем не менее они могут послужить хорошим руководством к ведению наших дел. Если мы сумеем хорошо устроить эти наши дела, мы, быть может, предотвратим несколько гражданских войн, много кровопролития и распри в малых странах, о которых идет речь. Наш общий принцип должен состоять в том, чтобы предоставить каждой стране возможность иметь такую форму правления, какую хочет ее народ. Мы, безусловно, не хотим навязывать ни одному из балканских государств монархические или республиканские институты. Однако мы установили определенные доверительные отношения с королями Греции и Югославии. Спасаясь от нацистского врага, они просили нас предоставить им убежище, и мы думаем, что, когда будет восстановлено нормальное положение и спокойствие и когда враг будет изгнан, народы этих стран должны по справедливости получить возможность свободно сделать выбор. Возможно даже, что на время выборов туда придется послать комиссаров трех великих держав, которые должны будут проследить за тем, чтобы народ мог сделать подлинно свободный выбор. Имеются хорошие прецеденты этого.

Однако помимо вопроса об институтах во всех этих странах существует идеологический конфликт между тоталитарными формами правления и теми, которые мы называем свободной инициативой, контролируемой всеобщим избирательным правом. Мы очень рады, что Вы

высказались против попыток изменить силой или с помощью коммунистической пропаганды системы, установившиеся в различных балканских странах. Пусть они сами определяют свои судьбы в предстоящие годы. Однако одного мы не можем допустить: любой формы фашизма или нацизма, поскольку они не обеспечивают трудовым массам ни тех благ, какие гарантирует Ваша система, ни тех, какие гарантируют наши системы, а наоборот, ведут к господству тирании внутри страны и агрессии за границей. В принципе я считаю, что Англия и Россия могут быть спокойны за внутреннее правление в этих странах, не тревожиться о них и не вмешиваться в их дела, когда нормальные условия будут восстановлены после этой ужасной кровавой бани, через которую прошли они, да и мы.

Именно с этой точки зрения я пытался определить степень заинтересованности каждого из нас в этих странах с полного согласия другой стороны и при условии одобрения Соединенными Штатами, которые могут отстраниться на долгое время, а затем снова неожиданно вернуться, обладая колоссальной силой.

Поскольку я пишу Вам, человеку, имеющему такой большой опыт и мудрость, мне нет нужды приводить множество аргументов. Гитлер пытался использовать в своих планах существующий во всей Западной Европе страх перед агрессивным, обращающим в свою веру коммунизмом, и он терпит полное поражение. Однако, как Вы хорошо знаете, этот страх существует во всех странах, ибо, каковы бы ни были достоинства наших различных систем, ни одна страна не хочет пережить кровавую революцию, которая, несомненно, окажется необходимой почти в каждом случае для того, чтобы можно было произвести такое коренное изменение в образе жизни, привычках и взглядах ее общества. Мне кажется, мы были правы, когда расценили роспуск Вами Коминтерна как решение советского правительства не вмешиваться во внутренние политические дела других стран. Чем в большей степени люди уяснят эту мысль, тем глаже пойдут дела. Мы, с другой стороны, — и я уверен, Соединенные Штаты также — имеем правительства, опирающиеся на очень широкую основу, где такие факторы, как привилегии и классовые различия, находятся под постоянным наблюдением и подвергаются исправлению. Нам кажется, что если смотреть издали и в широком плане, то различия между нашими системами будут становиться все меньшими, а наши великие общие принципы — обеспечение широким народным массам более зажиточной и счастливой жизни — крепнуть из года в год. Вероятно, если бы в течение 50 лет существовал мир, разногласия, которые могут сейчас принести миру столь серьезные неприятности, превратились бы в предмет академической дискуссии.

Пользуясь случаем, г-н Сталин, чтобы заверить Вас в том, что английский народ искренне желает, чтобы между нашими двумя стра-

нами установилась длительная прочная дружба и сотрудничество, и что вместе с Соединенными Штатами мы сумеем удержать на рельсах мировую машину.

Моим коллегам на родине я направил следующее послание:

Премьер-министр — своим коллегам в Лондоне

12 октября 1944 года

1. Система процентов рассчитана не на то, чтобы предопределить число заседающих в комиссиях по вопросам различных балканских стран, а скорее на то, чтобы послужить выражением интересов и чувств, с которыми английское и советское правительства подходят к проблемам этих стран, и помочь им поделиться друг с другом своими мыслями в какой-то доходчивой форме. Эта система должна послужить всего лишь руководством, и она, конечно, ни в коей мере не связывает Соединенные Штаты никакими обязательствами и не предусматривает создания твердой системы сфер интересов. Она может, однако, помочь Соединенным Штатам понять, каких взглядов придерживаются их два главных партнера в отношении этих районов, когда картина изображается в целом.

2. Таким образом, видно, что Советская Россия вполне естественно проявляет исключительно большой интерес к черноморским странам; одна из этих стран — Румыния — совершила на нее совершенно неспровоцированное нападение двадцатью шестью дивизиями, а с другой из них — Болгарией — она имеет старые связи. Великобритания считает необходимым проявить особое уважение к взглядам русских в отношении этих двух стран и к стремлению Советов возглавить практическое руководство ими в интересах общего дела.

3. Точно так же Великобритания имеет давнишние традиции дружбы с Грецией и, являясь средиземноморской державой, непосредственно заинтересована в ее будущем. В этой войне Великобритания потеряла 30 тысяч человек, пытаясь оказать сопротивление немецко-итальянскому вторжению в Грецию, и хочет играть ведущую роль в вызволении Греции из ее нынешних бедствий в полном согласии с Соединенными Штатами, которое всегда было характерно для англо-американской политики в этом районе. В Греции Великобритания, как полагают, возьмет на себя руководство в военной области и постарается помочь существующему королевскому греческому правительству утвердиться в Афинах на самой широкой и единой основе, какая только окажется возможной. Советская Россия готова признать эти позиции и функции Англии точно так же, как Англия признает тесные отношения между Россией и Румынией. Это предотвратит воз-

никновение в Греции враждебных фракций, ведущих друг против друга гражданскую войну, что могло бы вовлечь английское и русское правительства в досадные споры и вызвать конфликт в политике.

4. Переходя к Югославии, следует отметить, что символическая цифра 50 : 50% должна служить основой совместных действий и согласованной политики между двумя непосредственно заинтересованными державами, с тем чтобы способствовать созданию объединенной Югославии после того, как все элементы в этой стране максимально сплотятся в борьбе за изгнание нацистских захватчиков. Это должно предотвратить, например, вооруженную борьбу между хорватами и словенами, с одной стороны, и мощными многочисленными элементами в Сербии — с другой, а также дать возможность выработать совместную дружескую политику в отношении маршала Тито и в то же время добиться того, чтобы поставляемое ему оружие использовалось против общего нацистского врага, а не для внутренних целей. Такая политика, проводимая совместно Англией и Советской Россией без всякого стремления извлечь какие-то личные выгоды, принесла бы реальную пользу.

5. Поскольку советские армии устанавливают контроль над всей Венгрией, естественно, что преобладающим в этой стране должно быть их влияние, конечно, с согласия Великобритании и, вероятно, Соединенных Штатов, которые, хотя фактически и не участвуют в боях в Венгрии, должны рассматривать ее как центральноевропейское, а не балканское государство.

6. Следует подчеркнуть, что эта общая наметка заинтересованности Советов и Англии в упомянутых выше странах служит лишь временным руководством на ближайший военный период. Она будет пересмотрена великими державами при обсуждении вопросов перемирия или мира с целью достижения общего урегулирования в Европе.

13 октября, в 5 часов вечера, мы собрались на Спиридоновке, где советское правительство устраивает приемы. Здесь мы выслушали Миколайчика и его коллег. Эти переговоры проводились в порядке подготовки к следующему совещанию, на котором английская и американская делегации должны были встретиться с люблинскими поляками. Я усиленно настаивал на том, чтобы Миколайчик подумал о двух вещах — о принятии де-факто линии Керзона с двусторонним обменом населения и о дружеских переговорах с люблинским Польским комитетом, чтобы можно было создать объединенную Польшу. Я сказал, что произойдут определенные изменения, но было бы лучше, если бы единство было установлено сейчас, на этом завершающем этапе войны, и я просил поляков внимательно обсудить этот вопрос в тот же вечер. Иден и я — к их услугам. Для них было необходимо установить контакт с Польским

комитетом и согласиться на линию Керзона в порядке рабочей договоренности, подлежащей обсуждению впоследствии на мирной конференции.

В тот же день, в 10 часов вечера, мы встретились с членами так называемого Польского национального комитета. Вскоре стало ясно, что люблинские поляки — просто пешки России. Они так тщательно выучили и затвердили свою роль, что даже их хозяева, видимо, считали, что они перебарщивают. Так, например, их руководитель Берут говорил так: «Мы явились сюда с целью потребовать от имени Польши, чтобы Львов принадлежал России. Такова воля польского народа». Когда эти слова перевели с польского на английский и русский языки, я взглянул на Сталина и увидел промелькнувшее в его выразительных глазах понимание, как если бы он хотел спросить: «Ну, что вы скажете о нашей советской выучке?» Пространное выступление другого люблинского руководителя, Осубка-Моравского, было столь же гнетущим. На Идена трое люблинских поляков произвели самое неблагоприятное впечатление.

Совещание продолжалось более шести часов, но результаты оказались минимальными.

* * *

14 октября состоялось грандиозное представление в Большом театре — сначала балет, затем опера и в завершение программы великолепные пляски и пение хора Советской Армии. Сталин и я находились в царской ложе, и зрители устроили нам восторженную овацию. После театра у нас состоялась в Кремле исключительно интересная и успешная беседа на военные темы. Со Сталиным были Молотов и генерал Антонов. Гарриман привез с собой генерала Дина. Меня сопровождали Брук, Исмей и глава нашей военной миссии в Москве генерал Барроус.

Мы начали с того, что ознакомили их с нашими дальнейшими намерениями в Северо-Западной Европе, Италии и Бирме. Затем Дин сделал заявление о кампании на Тихом океане и в общих чертах рассказал о том, какая помощь Советов была бы особенно ценной после того, как они вступят в войну с Японией. Затем генерал Антонов сделал весьма откровенное заявление о положении на восточном фронте, о трудностях, с которыми встречаются русские армии, и об их планах на будущее. Сталин время от времени вставлял несколько слов, чтобы подчеркнуть особо важные моменты, и в заключение заверил нас в том, что русские армии будут продвигаться решительно и последовательно к Германии и что у нас нет ни малейших оснований беспокоиться, что немцам удастся перебросить какие-либо части с Восточного фронта.

Не было никаких сомнений в том, что Советы намеревались вступить в войну против Японии после разгрома Германии, как только им удастся собрать необходимые войска и снаряжение на Дальнем Востоке. Сталин воздерживался от обязательств в отношении какой-либо определенной даты.

Он говорил о периоде в «несколько месяцев» после разгрома Германии. У нас создалось впечатление, что это следует понимать как три или четыре месяца. Русские согласились немедленно приступить к созданию запасов продовольствия и горючего на своих дальневосточных нефтяных промыслах и разрешить американцам воспользоваться аэродромами и другими средствами обслуживания в приморских провинциях, которые нужны были для американской стратегической авиации. Сталина, видимо, не беспокоил вопрос о том, какое впечатление эти приготовления могут произвести на японцев. На деле он надеялся, что они совершат «упреждающее нападение», ибо это побудило бы русских сражаться наилучшим образом. «Русские, — заметил он, — должны будут знать, за что они сражаются».

15-го у меня была высокая температура, и я не мог участвовать во втором военном совещании, которое состоялось в тот вечер в Кремле. Меня заменил Иден, которого сопровождали Брук, Исмей и Барроус; Сталина, помимо Молотова и Антонова, сопровождал начальник штаба Советской Армии на Дальнем Востоке генерал-лейтенант Шевченко. Гарриман снова присутствовал вместе с генералом Динном. Обсуждался исключительно вопрос об участии Советов в войне против Японии. Были приняты важные решения.

Сталин прежде всего согласился с тем, что мы должны согласовать наши военные планы. Он просил у американцев помощи в деле создания 2—3-месячных запасов горючего, продовольствия и транспортных средств на Дальнем Востоке и сказал, что, если это можно будет сделать и если удастся внести ясность в политические вопросы, СССР будет готов выступить против Японии примерно через три месяца после разгрома Германии. Он обещал также подготовить аэродромы в приморских провинциях для американской и советской стратегической авиации и безотлагательно принять американские четырехмоторные самолеты и инструкторов. Совещания между советскими и американскими военными представителями в Москве должны начаться немедленно, и он обещал лично участвовать на первом из них.

* * *

Время шло, но тяжелое состояние советско-польских дел улучшалось лишь в самой незначительной степени. Поляки были готовы принять линию Керзона «в качестве демаркационной линии между Россией и Польшей». Русские настаивали на формулировке «как основу границы между Россией и Польшей». Ни одна из сторон не хотела уступать. Миколайчик заявил, что его отверг бы его собственный народ, а Сталин в конце беседы наедине со мной, длившейся два с четвертью часа, заметил, что из всех, с кем он работает, только он и Молотов стоят за то, чтобы «мягко» обойтись с Миколайчиком. Я был уверен в том, что за кулисами оказывался сильный нажим как по партийной, так и по военной линии.

Сталин не считал желательным продолжать попытки сформировать объединенное польское правительство, пока не будет согласован вопрос о границах. Если бы этот вопрос был урегулирован, он с готовностью согласился бы с тем, чтобы Миколайчик возглавил новое правительство. Лично я считал, что не менее серьезные трудности возникнут при обсуждении вопроса о слиянии польского правительства с люблинскими поляками, представители которых по-прежнему производили на нас самое скверное впечатление и являлись, как я сказал Сталину, «лишь выразителями советской воли». Они, несомненно, также мечтали о том, чтобы править Польшей и, таким образом, были своего рода кислингами. При всех обстоятельствах наилучший выход состоял в том, чтобы обе польские делегации вернулись туда, откуда они приехали. Я очень остро ощущал ответственность, которая лежала на мне и на министре иностранных дел в связи с попытками разработать предложения в отношении русско-польского урегулирования, и знал, что даже навязывание Польше линии Керзона вызовет критику.

В других областях были достигнуты значительные успехи. Решимость советского правительства выступить против Японии после разгрома Гитлера была очевидной. Это должно было оказаться исключительно ценным для сокращения сроков всей войны. Я был уверен, что в отношении Балкан при данных условиях была достигнута наилучшая договоренность. Наряду с успешными военными действиями это должно было привести сейчас к спасению Греции, я не сомневался также в том, что наше соглашение о проведении совместной политики из расчета 50 : 50% в Югославии есть наилучшее решение наших трудностей, учитывая поведение Тито и прибытие русских и болгарских войск под командованием русских для оказания помощи на его восточном фланге.

В нашем узком кругу мы, безусловно, беседовали с такой непринужденностью, свободой и сердечностью, каких еще никогда не удавалось добиться в отношениях между нашими двумя странами. Сталин несколько раз говорил о личном уважении ко мне, и я уверен, что он говорил искренне. Однако я еще больше убедился в том, что он чем-то озабочен. Как я говорил своим коллегам на родине, «седока одолевают мрачные мысли».

* * *

Вечером 17 октября состоялась наша последняя встреча. Только что поступило сообщение, что немцы в порядке предосторожности арестовали адмирала Хорти сейчас, когда разваливается весь германский фронт в Венгрии. Я выразил надежду, что к Люблянскому перевалу удастся продвинуться как можно быстрее, и добавил, что, по моему мнению, война вряд ли окончится до весны. Затем у нас состоялся первый разговор по вопросу о Германии. Было решено, что Европейская консультативная комиссия должна детально обсудить эту проблему.

Возвращаясь самолетом на родину, я сообщил президенту дальнейшие подробности наших переговоров.

Премьер-министр — президенту Рузвельту

22 октября 1944 года

1. В последний день нашего пребывания в Москве Миколайчик встретился с Берутом, который признался, что сталкивается с трудностями. 50 его сторонников были убиты в прошлом месяце. Многие поляки предпочли бежать в леса, лишь бы не присоединяться к его войскам. Приближающаяся зима предвещает тяжелые условия за линией фронта, поскольку русская армия продвигается вперед, используя весь транспорт. Он настаивал, однако, на том, что если Миколайчик будет премьером, он (Берут) должен иметь 75% своих сторонников в кабинете. Миколайчик предложил, чтобы была представлена каждая из пяти польских партий, при этом он должен иметь четыре из пяти лучших постов, на которые он назначил бы людей из числа тех, кто не вызывает неприязни у Сталина.

2. Позже по моей просьбе Сталин принял Миколайчика и в течение полутора часов вел с ним очень дружественную беседу. Сталин обещал помочь ему, а Миколайчик обещал сформировать и возглавить правительство, абсолютно дружественное по отношению к русским. Он изложил свой план, но Сталин дал ясно понять, что люблинские поляки должны иметь большинство.

3. После обеда в Кремле мы прямо заявили Сталину, что если правительство не будет состоять на 50% из сторонников Миколайчика плюс он сам, западный мир не будет убежден в том, что сделка была добросовестной, и не поверит, что создано независимое польское правительство. Сталин сперва ответил, что его удовлетворит соотношение 50 : 50, но быстро поправил себя, назвав худшую цифру. Одновременно Иден занял аналогичную позицию в отношении Молотова, который, казалось, лучше понимал этот вопрос. Не думаю, что вопрос о составе правительства окажется непреодолимым препятствием, если все остальное будет урегулировано. Миколайчик ранее объяснил мне, что, возможно, публично будет сделано одно заявление, чтобы спасти престиж люблинского правительства, а за кулисами между поляками будет достигнута другая договоренность.

4. Помимо вышеуказанного, Миколайчик намерен доказать своим лондонским коллегам необходимость согласиться на то, чтобы граница России проходила по линии Керзона и включала Львов. Я надеюсь, что нам, быть может, удастся добиться урегулирования даже в ближайшие две недели. Если это удастся, я пошлю Вам телеграмму о том,

в какую конкретную форму это вылилось, чтобы Вы могли сообщить, хотите ли Вы опубликовать это сейчас или повременить.

5. В вопросе о главных военных преступниках Д. Дж. неожиданно занял ультраприличную позицию. Не должно быть казней без суда; в противном случае мир скажет, что мы их боялись судить. Я указал на трудности, связанные с международным правом, но он ответил, что, если не будет суда, они должны быть приговорены не к смертной казни, а лишь к пожизненному тюремному заключению.

6. Кроме того, мы в неофициальном порядке обсуждали вопрос о будущем разделе Германии. Д. Дж. хочет, чтобы Польша, Чехословакия и Венгрия образовали сферу независимых, антинацистских прорусских государств, из которых первые два могли бы объединиться. В противоположность своей прежней точке зрения он был бы рад видеть Вену столицей федерации южногерманских государств, включая Австрию, Баварию, Вюртемберг и Баден. Как Вам известно, идея превращения Вены в столицу обширной дунайской федерации всегда привлекала меня, хотя я предпочел бы включить сюда Венгрию, против чего Д. Дж. категорически возражает.

7. Что касается Пруссии, то Д. Дж. хотел бы отделить Рур и Саар, вывести их из строя и, вероятно, передать под международный контроль, а также создать обособленное государство в Рейнской области. Он хотел бы также интернационализации Кильского канала. Я не возражаю против такого рода мыслей. Однако Вы можете быть уверены в том, что мы не приняли никаких окончательных решений и отложили их до встречи нашей тройки.

8. Я пришел в восторг, узнав от Д. Дж., что Вы предложили встречу нашей тройки в конце ноября в одном из черноморских портов. Я считаю это великолепной идеей и надеюсь, что Вы поставите меня в известность об этом в свое время. Я приеду в любое место, куда пожелаете вы двое.

9. Кроме того, Д. Дж. официально поднял вопрос о конвенции в Монтрё*, желая изменить ее так, чтобы обеспечить свободный проход русских военных кораблей. Мы не возражали против этого в принципе. Пересмотр явно необходим, поскольку одним из подписавших эту конвенцию государств является Япония, а Иненю упустил предоставившуюся ему в декабре прошлого года возможность. Мы договорились о том, что русские должны разработать детальные предложения. Он сказал, что они будут умеренными.

10. Что касается признания нынешней французской администрации временным правительством Франции, то я проконсультировался с кабинетом по возвращении домой. Соединенное Королевство реши-

* Конвенция о решении относительно черноморских проливов.

тельно высказывается за немедленное признание. Де Голль не является более единственным хозяином, его удастся держать в узде в большей степени, чем когда бы то ни было. Я по-прежнему считаю, что, когда Эйзенхауэр объявит о передаче под управление Франции обширной внутренней зоны страны, больше уже нельзя будет откладывать это ограниченное признание. Несомненно, за де Голлем стоит большинство французского народа, и французскому правительству нужна поддержка в борьбе против потенциальной анархии в обширных районах. Я буду снова телеграфировать Вам из Лондона. Сейчас я пролетаю над благо-словенной памяти Аламейном.

Шлю наилучшие пожелания.

Президент ответил:

Президент Рузвельт — премьер-министру

22 октября 1944 года

С большой радостью узнал о Ваших успехах в Москве на пути к компромиссному решению польской проблемы.

В том случае если решение будет достигнуто, я хотел бы, чтобы со мной проконсультировались относительно желательности с этой точки зрения отложить его опубликование примерно на две недели. Вы поймете меня.

Здесь все идет хорошо в настоящее время.

Ваше сообщение о нынешней позиции Дяди Дж. в вопросе о военных преступниках, будущем Германии о конвенции в Монтрё чрезвычайно интересно.

Мы обсудим эти вопросы наряду с вопросом о наших усилиях в тихоокеанской войне на предстоящем трехстороннем совещании.

Уезжая после этих исключительно интересных двух недель, во время которых мы сблизились с нашими советскими союзниками в большей степени, чем когда-либо раньше или когда-либо впоследствии, я написал Сталину:

Премьер-министр — маршалу Сталину

20 октября 1944 года

Господин Иден и я уехали из Советского Союза освеженными и подкрепленными переговорами, которые мы вели с Вами, маршал Сталин, и с Вашими коллегами. Эта памятная встреча в Москве показала, что нет вопросов, которые не могут быть улажены между нами в откровенной и задушевной беседе, когда мы встречаемся друг с другом. Русское прославленное гостеприимство превзошло себя во время нашего визита.

Как в Москве, так и в Крыму, где мы провели несколько приятных часов, была проявлена самая большая забота об удобстве для меня и для моей группы. Я чрезвычайно признателен Вам и всем, кто был ответствен за эту заботу. Будем надеяться, что мы скоро встретимся вновь.